

И. П. Сергеев

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ КРИЗИСА III века В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Тезис о необходимости учета обстановки на границах римских владений при изучении особенностей социально-политического развития Римской империи в III веке н. э. является общим местом в научной литературе, посвященной проблеме кризиса III века. Хотя проблема взаимоотношений римлян с соседями в III веке н. э. достаточно активно изучается специалистами в области истории Древнего Рима [См.: 2; 4; 5], следует, однако, признать, что к настоящему времени вопрос о роли внешнеполитического фактора в истории кризиса III века специально не рассматривался ни в отечественном, ни в зарубежном антиковедении. Попыткой его выяснения и является данная статья.

На наш взгляд, для определения места внешнеполитического фактора в истории кризиса III века в Римской империи большое значение имеет решение вопроса о характере данного кризиса. По нашему мнению, это был кризис политической системы империи — системы Принципата. Одной из причин, по которым эта система перестала нормально функционировать, было падение авторитета императора в глазах солдат римской армии, являвшейся его важнейшей опорой. Верховное командование всеми вооруженными силами римского государства было в период Принципата главной основой (*das Kernstück*, по выражению Й. Бляйкена [10, с. 27]) императорской власти. Предпосылкой же разрыва союза между армией и правящим императором явилось именно изменение обстановки на границах римских владений. Со второй половины II в. н. э. римляне почти непрерывно вели войны с северными и восточными соседями. Изменившаяся обстановка на границах римских владений, с одной стороны, привела к росту значения армии в жизни империи. С другой стороны, она оказала существенное влияние на структуру вооруженных сил римского государства. В настоящее время среди историков получило поддержку впервые высказанное Й. Фитцом [14, с. 121] заключение о том, что уже к началу 40-х годов III в. н. э. правители империи были вынуждены пойти на то, чтобы объединить военные силы нескольких соседних провинций под командованием специальных военачальников (*duces*) [12, с. 94; 19, с. 204]. В результате империя стала состоять из ряда провинциальных комплексов (дукатов), а ее вооруженные силы фактически распались на отдельные провинциальные группировки — британскую, рейнскую, дунайскую, восточную. По мнению Е. П. Глушанина, единый комплекс с объединенными войсками представляли собой в данное время и африканские провинции [1, с. 58]. Становление в римских вооруженных силах института дукатов привело к воз-

растанию политической активности солдат римской армии. Наиболее значимые для самого существования римского государства группировки провинциальных войск претендуют на то, чтобы их полководец был и правителем империи; возникает соперничество между отдельными армейскими группировками в решении вопроса о передаче власти императора. При этом часто толчком к провозглашению крупного военачальника императором становился успех возглавляемой им армии в борьбе с варварами.

Таким образом, армия перестала быть послушным орудием власти в руках императора. Это лежало в основе такого характерного для политической жизни Римской империи периода кризиса явления, как попытки узурпации императорской власти. Внешнеполитический фактор сыграл не последнюю роль в событиях, приведших к фактическому выходу из-под власти Рима обширных территорий на дунайской границе (узурпации Ингенуя и Регаллиана), на Западе (Галльская империя) и на Востоке (Пальмирская держава) империи. По подсчетам Ф. Хартманна, две трети попыток узурпации императорской власти в III в. н. э. произошло примерно в то же время, когда и вторжения варваров в империю, и именно на том участке границы, который испытывал давление внешних сил [15, с. 167].

В условиях отсутствия внутреннего единства римской армии захват императорского престола полководцем при поддержке его одной из армейских группировок не гарантировал прочности его власти, так как в любой момент можно было ожидать, что какая-либо другая группировка провинциальных войск выдвинет своего претендента на императорский престол. Это вело к политической нестабильности в империи, к тому, что кризис принимал затяжной характер.

Еще более усиливалась эта нестабильность вследствие частой смены правителей империи. При этом нередко такая смена была следствием обострения обстановки на границах империи, приводившей к гибели императоров. Так, отношения между императором Александром Севером и армейскими кругами начали портиться после того, как в связи с наступлением персов император во главе войск отправился на Восток. Здесь проявилась его неспособность успешно руководить военными действиями. Римляне потерпели ряд поражений и понесли значительные потери [16, VI, 5–6]. Убийство Александра Севера в 235 г. н. э. было непосредственно связано с нерешительностью его действий в войне с варварами. Намерение императора выплатить деньги варварам за счет сокращения расходов на армию еще более усилило раздражение солдат [16, VI, 7]. Этими настроениями в войсках воспользовался Максимин Фракийец и, свергнув непопулярного императора, пришел к власти.

Новый император, по сообщению автора его жизнеописания, «сразу начал вести все войны» [21, *Maxim. duo*, X], чтобы оправдать надежды поддержавших его солдат. Однако война с германцами приняла затяжной

характер, чрезмерные расходы на ведение боевых действий и содержание армии вызвали выступление гражданского населения провинции Африки, приведшее в конечном итоге к убийству Максимиана его солдатами. Следовательно, первопричиной свержения этого императора также была напряженная обстановка на северной границе империи.

В 244 г. н. э. неумелое руководство военными действиями привело к убийству собственными солдатами императора Гордиана III. В 251 г. н. э. в битве с варварами погиб император Деций. В 260 г. во время войны с персами в плену противника оказался император Валериан.

Необходимость личного руководства ведением военных действий в условиях кризиса III века приводит к тому, что правящий император вступает в тесный контакт с войсками, и у них появляется возможность физического устранения неугодного им правителя и непосредственного решения вопроса о новом императоре. В силу этих обстоятельств именно по инициативе находившихся под их командой солдат были провозглашены целый ряд императоров периода кризиса III века. Так, после смерти от болезни Клавдия II его брат Квинтилл был провозглашен возглавлявшимися им войсками в северной Италии [21, v. Aurel., XXXVIII]. Но солдаты придунайских войск встретили его провозглашение без особого энтузиазма. На дунайской границе продолжалась война с варварами, и, когда полководец Л. Домиций Аврелиан, уже в правление Квинтиллы, одержал ряд побед над противником, среди солдат стали распространяться слухи о том, что Клавдий, умирая, назначил своим преемником на престоле именно Аврелиана. И весной 270 г. н. э. воины в Сирмии объявили его императором [21, v. Aurel., XVII; 22, XII, 26; 23, I, 47]. В 275 г. н. э. Аврелиан решил начать войну с персами и вернуть Месопотамию под власть римлян. Он двинулся на Восток, но в пути был убит заговорщиками [21, v. Aurel., XXXV; 13, IX, 15; 23, I, 62, 1]. Преемник Аврелиана император Тацит вскоре после прихода к власти отправился к театру военных действий, но с персами ему так и не пришлось воевать. Его правление оказалось недолгим и закончилось уже в 276 г. н. э. Согласно одной из содержащихся в нарративных источниках версий его смерти, Тацит назначил наместником Сирии своего родственника Максимиана. Образ его правления провинцией вызвал возмущение солдат, которые убили этого родственника императора, а потом, опасаясь мести со стороны Тацита, убили и его [22, XII, 28; 23, I, 63, 2;]. (По другой версии, Тацит умер от лихорадки [7, 36].)

После смерти Тацита правителем Римской империи стал Флориан. Автор жизнеописания императора Проба сообщает, что Флориана объявили императором войска, которые он возглавлял в войне с приазовскими племенами [21, v. Prob., XIII]. По данным Зонары [22, XII, 29], Флориан получил власть от сената. Автор жизнеописания Тацита [21, v. Tac., XIV] и Аврелий Виктор [7, 36] пишут, что Флориан занял императорский престол не по решению сената или солдат, а по собственной

воле, как будто императорская власть могла передаваться по наследству. Римский сенат и войска европейской части империи признали Флориана императором.

Но войска римского Востока отреагировали на эти события иначе и, как предполагает Х. Паркер [20, с. 214], уже через 15–20 дней после смерти Тацита провозгласили императором Проба.

Опора на армию имела большое значение в борьбе Проба с внешними врагами. При поддержке войск придунайских провинций он сумел довольно длительное время сохранять за собой императорский престол. Но Проб стремился к тому, чтобы армия оставалась послушным инструментом власти в руках императора. Солдаты в его представлении требовались для охраны границ государства, но не должны быть слишком большой обузой для гражданского населения [21, v. Prob., XXIII]. Император предъявлял высокие требования к армейской дисциплине, привлекал солдат к осушению болот, разбивке виноградников [21, v. Prob., XXI]. Все это вело к охлаждению отношений между Пробом и армией, усилению недовольства солдат политикой императора.

Летом 282 г. н. э. Проб начал подготовку к походу против персов, а префекту претория М. Аврелию Кару поручил защищать от варварских вторжений западную часть империи [8, с. 276]. В то время, когда Проб находился в Сирмии, войска Реции и Норика провозгласили Кара императором [23, I, 71, 4]. Солдаты в Сирмии решили поддержать выступление Кара и убили Проба [21, v. Prob., XXI; 23, I, 71, 5].

Собранием офицеров («*ducum consilio tribunorumque*») [7, 39], которые являлись представителями воинских частей, участвовавших в войне с персами, 20 ноября 284 г. н. э. [17, с. 262] в Никомедии [23, I, 73, 2] был провозглашен императором и Диоклетиан.

Внешнеполитический фактор отражался на длительности кризиса и в том плане, что в связи с напряженной обстановкой на границах империи ряду императоров было не до преобразований в политическом устройстве государства. Вопрос стоял о самом существовании Римской империи. Поэтому они не пытались как-то изменить структуру органов власти в государстве в соответствии с изменениями в римском обществе и его политическими воззрениями. Занимая императорский престол в течение трех лет, Максимин Фракийец, как было отмечено выше, непрерывно вел войны с варварами на северных границах империи. Клавдий II почти все время своего правления находился вне Рима, воюя с варварами. Борьба с вторжениями варваров отнимала много времени и у других правителей империи периода кризиса III века.

По определению Я. Буркхардта [11, с. 56], безопасность границ для Диоклетиана, которому удалось вывести империю из кризиса, имела большее значение, чем дружба римского сената. Но Диоклетиан понимал и опасность, которую могла представлять собой армия для императора. Поэтому, проводя реформы в вооруженных силах империи, он стре-

мился ограничить могущество военачальников, оградить правителя от слишком тесного контакта с потенциально опасными для него людьми, и прежде всего людьми вооруженными, сделать армию опорой императорской власти, а не силой, несущей в себе для этой власти угрозу. Но поскольку обстановка на границах римских владений в конце III века н. э. оставалась напряженной, Диоклетиан, не будучи в состоянии лично возглавлять войска одновременно на нескольких направлениях, был вынужден предоставлять в распоряжение отдельных военачальников значительные военные силы. А чтобы эти военачальники не претендовали на власть над всей империей, он пошел на создание системы тетрархии. Следовательно, можно считать, что внешнеполитический фактор повлиял и на результаты преодоления кризиса III века.

Таким образом, внешнеполитический фактор сыграл важную роль в истории кризиса III века в Римской империи. Сложная обстановка на границах империи привела к возрастанию значения армии в политической жизни государства, к еще большей необходимости тесного контакта правящего императора с вооруженными силами. Неумелое же командование войсками Александра Севера явилось толчком к началу кризиса системы Принципата. Усиление натиска варваров на границы империи одновременно на нескольких участках вынудило правителей империи пойти на образование в составе вооруженных сил государства нескольких крупных провинциальных группировок. Это привело к обострению противоречий внутри римской армии. Сохранявшаяся в течение III века н. э. напряженность на границах империи способствовала тому, что добивавшиеся успехов в войнах с внешними врагами полководцы претендовали на захват императорского престола, а правившие императоры были вынуждены уделять много внимания внешней политике и не могли сосредоточиться на решении проблем укрепления внутреннего единства государства и укрепления позиций в нем императора. Это сказывалось на продолжительности кризиса. Наконец, внешнеполитический фактор сказался и на итогах преодоления кризиса, во многом определил то, какой стала та система государственной власти в Римской империи, которая установилась в римском государстве после выхода его из кризиса.

Литература

1. Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // Вестник древней истории. — 1987. — № 2. — С. 51–73.
2. Дряхлов В. Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // Вестник древней истории. — 1987. — № 2. — С. 151–168.
3. Дьяков В. Н. [Рецензия] // Вестник древней истории. — 1958. — № 4. — С. 122–129. — Рец. на кн.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.

4. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 148 с.
5. Alföldy G. Die Krise des Römischen Reiches: Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgew. Beitr. — Stuttgart; Wiesbaden: Steiner-Verlag, 1989. — 541 S.
6. Altheim F. Die Soldatenkaiser. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1939. — 304 S.
7. Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae subsequitur Epitome de Caesaribus / Recensuit Fr. Pichlmayr. — Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1966. — 226 p.
8. Besnier M. L'empire romain de l'avènement des Severes du concile de Nicee. — Paris, 1937. — 409 p.
9. Bleckmann B. Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung. Untersuchungen zu den nachdionischen Quellen der Chronik des Iohannes Zonaras. — München, 1992. — 415 S.
10. Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte. Bd. 1. 2. verbesserte Auflage. — Paderborn etc., 1981. — 352 S.
11. Burckhardt J. Die Zeit Constantin's des Großen. — Basel, 1853. — VII, 512 S.
12. Dobo A. Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus: Die provinzielle Verwaltung. — Amsterdam, 1968. — 201 S.
13. Eutropii Breviarium ab urbe condita / Recogn. F. Rühl. — Lipsiae, MCM. — 90 p.
14. Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhunderts // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Vorträge des 6. Internationalen Limeskongresses in Süddeutschland. — Köln; Graz, 1967. — S. 113 — 121.
15. Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise: Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (III. Jh. n. Chr.). — Frankfurt a. M.; Bern: H. Lang, 1982. — 246 S.
16. Herodiani ab excessu divi Marci libri octo / Edidit Curt. Stavenhagen. Editio stereotypa editionis primae (MCMXXII). — Stutgardiae in aedibus B. G. Teubneri, 1967. — 235 p.
17. Kienast D. Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. — 376 S.
18. Lactantius Lucius Caelius Firmianus. De mortibus persecutorum / Cum notis S. Baluzii. — Brodelet, 1693. — 307 + 464 p.
19. Mocsy A. Pannonia and Upper Moesia. — London; Boston, 1974. — XXI, 453 p.

20. *Parker H. M. D. A History of the Roman World from A. D. 138 to 337.* — London: Methuen et co. LTD, 1935. — XII, 402 p.
21. *Scriptores historiae Augustae* /Ed. E. Hohl. — Lipsiae: Teubner, 1965. Vol. I. — 310 p.; Vol. II. — 308 p.
22. *Zonaras I. Ioannis Zonarae Annales* /Ex recensione Mauricii Pinderi. T. I. — Bonnae, 1841. — 581 p.; T. II. — Bonnae, 1844. — 647 p.
23. *Zosime Histoire nouvelle. Tome 1 (Livres 1 et 2) /Texte etabli et traduit par F. Paschoud.* — Paris, 1971. — 264 p.

Резюме

У статті розглядається питання про роль зовнішньополітичного фактору в історії кризи III століття в Римській імперії. На думку автора, цей фактор сприяв поглибленню суперечностей у збройних силах імперії та послабленню підтримки імператорів з боку армії, тобто мав велике значення у визріванні даної кризи. Напружена ситуація на кордонах римських володінь створювала сприятливі умови для спроб узурпації імператорської влади, відволікала увагу правителів Римської імперії від вирішення питань відновлення політичної стабільності в державі, отже, позначалась на тривалості кризи III століття. Щоб успішно боротися зі вторгненнями варварів в імперію і в той же час запобігти спроб узурпації імператорського престолу воєначальниками, Діоклетіан був змушений піти на утворення нової системи державної влади – тетрархії. Таким чином, зовнішньополітичний фактор вплинув і на спосіб виводу імперії із кризового стану.

Summary

In the article «The Foreign-Policy Factor in the History of the IIIrd century Crisis in the Roman Empire» the author depicts that the strained situation within the borders of the Roman Empire was the major requisite for the ripening of this crisis, the result of its duration and had the influence on the way the Roman Empire was helped out of the crisis.

К. Ю. Бардола

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА I

Деятельность императора Юстиниана I (527–565) постоянно вызывает интерес у исследователей истории Византийской империи. Этой теме посвящены отдельные монографии и многочисленные статьи. Однако внимание византинистов неравномерно распределяется среди различных областей политической деятельности этого императора. Внешняя политика, административные реформы, социальные противоречия византийского

общества, а также вопросы культуры и теологии рассматривались исследователями довольно подробно [1–10 и др.]. С другой стороны, финансовая и, особенно, фискальная политика императора Юстиниана подробно не рассматривалась. Разумеется, некоторые исследователи обращались к отдельным проблемам в области финансов и налогообложения периода VI в., однако анализ этих проблем и их решение рассматривались либо вскользь, либо посвящались отдельным, специфическим аспектам [11–16 и др.]. Что касается фискальной политики Юстиниана I в целом, ее анализ проводился недостаточно подробно и без достаточно критического подхода к сведениям источников. Негативное отношение современников, особенно Прокопия Кесарийского, к налоговой политике императора без тщательного анализа переключалось в работы византинистов начала XX в. [8, с. 311; 18, с. 62–66; 19, с. 229–230; 20, с. 378], а затем и в современную историографию [21, с. 5; 22, с. 265; 23, с. 33–34]. В связи с этим возникает необходимость более подробного рассмотрения политики византийского государства VI в. в области налогообложения с целью достижения более объективной оценки деятельности Юстиниана I.

К началу VI в. в византийском обществе скопилось множество нерешенных социально-экономических, административных и религиозных проблем. Это вылилось в массовое недовольство народных масс. В одном Константинополе в конце V–нач. VI вв. произошло около 30 крупных восстаний городского плебса [24, с. 236]. Не последнее место в списке причин роста народного недовольства занимали финансовые трудности империи. Несмотря на то, что император Анастасий I (491–518) оставил после своего правления в казне крупную сумму денег (по словам Прокопия, 3 200 кентинариев золота), он не решил основных финансовых проблем, которые привели Византийское государство в довольно плачевное состояние [17, XIX, 7]. К тому же, по свидетельству Иоанна Лида, практически все эти деньги были потрачены во время правления императора Юстина I (518–527) на войну с персами [25, III, 61]. Поэтому Юстиниану I приходилось искать другие источники доходов для решения основных финансовых проблем.

Итак, дефицит бюджета, инфляция и неравномерность налогообложения являлись характерными признаками финансовой политики византийского государства III–V вв. и оставались таковыми в Византии к началу VI в. [26, с. 81–83].

Следует заметить, что реформаторская деятельность Юстиниана не затронула основ системы *jugatio-capitatio*, введенной императором Диоклетяном (284–305). При Юстиниане I, также как и во времена правления его предшественников, основанием для суммы налогообложения являлась не фиксированная ставка обложения, а потребность государства в натуральных и денежных средствах. Из новеллы Юстиниана 545 г. следует, что каждый год в июле или августе византийское правительство издавало список ожидаемых налоговых поступлений с каждой юги